

РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Капинос

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Рецензия на книгу: Добродомов И.Г., Пильщиков И.А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М.: Языки слав. культур, 2008. 312 с.

Аннотация: В рецензии на вышедшую в 2008 г. в издательстве «Языки славянских культур» книгу И.Г. Добродомова и И.А. Пильщикова «Лексика и фразеология “Евгения Онегина”: Герменевтические очерки» кратко изложены ее выборочные фрагменты. Все главы книги представляют собой комментарии к отдельным словам, словосочетаниям, стихам романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Автор рецензии пытается рассуждать об общих принципах и конкретных деталях комментария И.Г. Добродомова и И.А. Пильщикова.

This review of “Vocabulary and Phraseology of ‘Eugene Onegin’: Hermeneutic Essays” by I.G. Dobrodomov and I.A. Pilshchikov published by “Languages of Slavic Cultures” in 2008 contains a brief description of several selections from the book. All of the book’s chapters contain commentary to individual words, word collocations and verses of Alexander Pushkin’s novel “Eugene Onegin.” The reviewer attempts to analyze general principles and specific features of I.G. Dobrodomov and I.A. Pilshchikov’s commentary.

Ключевые слова: поэтическая лексика и фразеология, комментарий, семантический анализ, анализ лексикографических данных.

Poetic vocabulary and phraseology, commentary, semantic analysis, analysis of lexicographic data.

ББК: 81.031.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФл СО РАН, сектор литературоведения. Тел. (383) 3330472. E-mail: dzerv@mail.ru.

Книга И.Г. Добродомова и И.А. Пильщикова «Лексика и фразеология “Евгения Онегина”: Герменевтические очерки» вышла в серии *Philologica russica et speculativa* (издательство «Языки славянских культур»), издания из этой серии¹ отличает простота и академичность оформления, подробный библиографический аппарат, а главное – все тома серии посвящены универсальным темам теории и истории литературы, ориентированы на вмещение русской культуры в европейский контекст, демонстрируют точность исследовательских методов. Предлагая еще один вариант комментария «Евгения Онегина» после В. Набокова [Набоков, 1998²], Ю.М. Лотмана [Лотман, 1980], Е.О. Ларионовой [Ларионова, 1993],

¹ Ранее в той же серии уже вышли «Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков» М.И. Шапира (2000), «А.С. Пушкин. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы» (2002), «Батюшков и литература Италии» И.А. Пильщикова (2003), «Загадки пушкинского текста и словаря» А.Б. Пеньковского (2005), «Методология точного литературоведения» Б.И. Ярхо (2006).

² В библиографии Добродомова и Пильщикова приводятся и другие издания этого комментария.

Н.М. Шанского [Шанский, 1998; 1999] и др.¹, Добродомов и Пильщиков ступают на многократно хоженое поле и возводят на нем новые, иногда совершенно неожиданные построения.

Со времен Набокова комментарий к «Евгению Онегину» становится более и более детальным, подробным, и уже невозможно себе представить, какой объем понадобился бы, чтобы создать герменевтические очерки всех слов и фразеологизмов пушкинского романа, значение которых иногда постепенно менялось с течением времени (и теперь необыкновенно трудно уловить все нюансы таких перемен), а иногда слово обретало совершенно новую судьбу, однажды прозвучав в «Онегине». «Лексика и фразеология “Евгения Онегина”» – это трехсотстраничный труд, где от Пушкина до наших дней воссоздается история всего лишь двадцати одного фрагмента, вернее, двадцати одного слова или словосочетания из романа. Возможно, это только начало большой работы, которая впоследствии будет продолжена, но и сделанного уже достаточно, чтобы ощутить неисчерпаемую глубину и высокую плотность лексического уровня пушкинского текста.

Слова/словосочетания неравномерно выбраны из романа: восемь слов взяты из первой главы и из черновиков к ней, три – из седьмой, по два – из второй, пятой, шестой и восьмой, по одному из четвертой и из «Отрывков из путешествия Онегина», ни одного из третьей. При выборе действовал не количественный и не тематический принцип (хотя по тематике комментируемые фрагменты сгруппировать можно: около десяти слов/словосочетаний прямо или опосредованно касаются античных тем, три имеют отношение к езде на лошадях, два – гастрономические термины). Для своей книги об «Онегине» Добродомов и Пильщиков выбирали необычные по происхождению, по звучанию или даже графике² лексемы, имена собственные, экспрессивно яркие или модные в пушкинское время выражения. Именно необычные, выбивающиеся из общего ряда слова способны задавать тон стилистической окраске целого стиха и даже всей вещи, определять ее лирический сюжет³. Не случайно именно в начале, в первой главе⁴, откуда исходят основные семантические линии всего романа, выше всего плотность варваризмов и другой неординарной лексики (почти половина всех примеров для комментария взята авторами из первой главы «Онегина»).

Лексический комментарий начинается со второй строфы первой главы, со строчки «Всевышней волею Зевеса», в которой Добродомов и Пильщиков видят одно из проявлений «основного принципа поэтики и стилистики “Онегина” – сублимацию бурлеска» [Добродомов, Пильщиков, 2008, с. 138]. «Зевес» с самого начала отсылает к зачинам эпических поэм – «Илиады», «Энеиды», одновременно пародируя высокий героический эпос напоминанием о флигельных трактовках Зевса в любимой Пушкиным иронической поэме «Елисей, или Раздраженный Вакх» В.И. Майкова⁵.

¹ Для обзора и изложения отдельных положений Добродомов и Пильщиков привлекают еще ряд комментариев к роману, которые обычно в исследованиях по «Онегину» представлены «лишь библиографически». Так, например, в 3-й главе монографии приводятся выдержки из «Объяснения и примечания к роману А.С. Пушкина “Евгений Онегин”» А. Вольского (псевдоним А.А. Лачиновой) 1877 г., комментарий Г.Л. Лозинского (брата М.Л. Лозинского) к парижскому юбилейному изданию «Онегина» 1937 г. и пр.

² Например, целая глава посвящена слову «vinaigrette/ винегрет/ венегред/ винигрет», оставшемуся в черновиках к первой главе (с. 72–83).

³ О том, какую роль собственное имя может принимать на себя в стихе, неоднократно в разных работах писал Тынянов, роли личных имен в «Онегине» посвящен большой отрывок в «Проблеме стихотворного языка» [Тынянов, 1993, с. 91].

⁴ Здесь авторы ссылаются на Г. Гуковского, который «писал об особой “густоте”, “нарочитом скоплении” варваризмов в русском и иноязычном написании в первой главе “Евгения Онегина”» (с. 19).

⁵ См. об этом также: [Чудаков, 2005, с. 217].

Еще одно появление Зевеса, опять же с бурлескной игрой во «всевышнего»¹ бога-громовержца, заключает роман:

В году недель пять-шесть Одесса,
По воле бурного Зевеса,
Потоплена, запружена,
В густой грязи погружена.
(«Отрывки из путешествия Онегина»)

Таким образом, конец и начало «Онегина» замыкаются между собой в повторных отдельных композиционных тем², и, как следует из приведенного примера, в перекличках лексическо-фразеологических.

При рассмотрении античных мотивов особенно отчетливо выявляет себя принцип комментария Пильщикова и Добродомова. С имени античного поэта начинается перечисление книг Татьяны, Онегина, самого автора. Есть искушение прокомментировать перечни книг как «круг чтения» героев, сопровождая каждое имя справкой об упомянутом писателе/поэте и предположением, о том, что именно в данном сочинении/сочинителе могло привлекать/отталкивать Автора, Онегина, Татьяну. Добродомов и Пильщиков уходят от такого искушения в главе «Виргилий & al.», подчеркивая, что перечень книг – это не просто подборка книг по интересам автора и «интересам» его героев. Это, скорее, перечислительный ряд книжных заглавий или имен писателей, который красив сам по себе, формирует внутри себя собственные законы присоединения одного слова к другому, а по происхождению восходит к «la bataille des livres» (битве книг) из «Le Lutrin» («Налоя») Буало³. Возможно, «битва книг», превратившаяся в книжный перечень – это отголосок древнего приема, укрепляющего ритмическую архитектуру вещи (вспомним длинный перечень кораблей в «Илиаде»). При таком подходе определение «круга чтения» героев становится уже не столь актуальным, и как следствие открывается симультанная природа героев (и всего текста) «Онегина», а также – в очередной раз – его ирои-комическая природа (ведь перечень книг есть, в конечном счете, прямая или опосредованная пародия на перечень кораблей).

Словесная область, скорее, чем область реалий является базовой для построения комментария в книге Добродомова и Пильщикова. Однако авторы имеют в виду не только область высокой словесности, но и зафиксированные в словарях, мемуарах беспрестанно меняющиеся, исчезающие и возникающие в истории языка оттенки слов. Язык провоцирует или фиксирует изменения реалий, неотрывен от них, а, возможно, сам воплощает эти реалии. Путем обнаружения иногда небольших, а иногда грандиозных семантических сдвигов, происходящих со временем в значении слова, Добродомов и Пильщиков добиваются восстановления ярких и точных вещественных деталей пушкинской эпохи, давно уже навсегда

¹ Авторы монографии подчеркивают то, что эпитет «всевышнего», примененный к Зевесу, несет на себе след окказионального пушкинского словоупотребления. На странице 13 приводится пушкинский перевод Саути («...whether, as sages deem,/ Ye dwell in the inmost Heaven, the Counsellors/ Of Jove; or if, Supreme of Deities...» – «Советники Зевеса,/ Живете ль вы в небесной глубине,/ Иль божества всевышние»), где Пушкин ставит «всевышние» на место «supreme» (что означает, скорее, «верховные»). Пушкинский эпитет «всевышний»/ «всевышние», отнесенный к античному богу/богам, усиливает стилистическое столкновение «высокого» и «низкого».

² О композиционных перекличках первой главы и «Путешествия Онегина» см.: [Чумаков, 2000, с. 32–39].

³ Здесь отчасти поддержана традиция, идущая от Тынянова, который в качестве прообразов русских именных перечней, включенных в стихотворный текст, называл того же Буало, Ронсара, Монтескью. См.: [Тынянов, 1993, с. 90–93].

утраченных в реальности. Особенно долго такие детали можно разглядывать в очерках об атрибутах езды в санях («Ямщик сидит на облучке», «форейтор бородатый»), о гастрономических терминах («Rost-beef и beef-steaks» и пр.).

В русле разговора о модах пушкинской поры нельзя не коснуться комментария к слову «dandy», которое, как показывают Добродомов и Пилищikov, стремительно меняет свои смыслы. Текст пушкинского романа как будто бы фиксирует в значении слова сразу несколько противонаправленных линий, которые постепенно могут аннулировать друг друга или приводить к явным противоречиям во внутренней структуре (что-то наподобие энантиосемии в нестрогом значении этого термина). Опираясь на обширные примеры¹, авторы «Лексик и фразеологии “Евгения Онегина”», показывают, как денди-вульгар, денди-нахал, денди-тщеславный щеголь (тот, кто одет с вызовом и соответственно себя ведет, разрушая старые устои и задавая новые правила) превращается в фешенебля, франта (того, кто одет именно так, как принято, то есть послушно следует устоям). По сути, бездна лежит между «одевающимися по последней моде» и «одевающимися по моде», два эти способа следовать моде жестко противопоставлены друг другу, но в то же время взаимососообщаются и могут быть обозначены одним и тем же словом. Превращение окказионального до вульгарности в канон («из очень немногих» в «как все») и тот же процесс, но наоборот (из «как все» в «очень немногие») – это закон не только обычной, но и словесной моды. Действие этого закона постоянно демонстрируется в «Онегине» на всех уровнях.

Для выяснения максимального количества лексических оттенков слова, актуализированных в пушкинском тексте, Добродомов и Пилищikov учитывают, в первую очередь, другие случаи употребления данного слова в текстах Пушкина и его современников, во-вторых, привлекают всевозможные словари XIX в., в том числе, конечно, европейские. Так, дефиниции из 25 словарей, энциклопедий и глоссариев (от начала XIX в. до современных) приводятся в статье, где толкуется слово «педант». Четырежды употребленное в окончательном тексте «Онегина» и еще множество раз за его пределами, слово «педант» у Пушкина не позволяет говорить о единстве его значения. Тезис о единстве значения слова «педант» авторы монографии находят в «Комментарии» Ю.М. Лотмана и оспаривают его, стремясь показать, что слово, активно используемое в художественном тексте, тем более, в пушкинском тексте, не может иметь единого значения, а образует вокруг себя динамичное семантическое поле, куда в каждом случае оказываются втянутыми различные смыслы, базирующиеся на разных лексических значениях данного слова.

Стоит отметить, что интонация книги Добродомова и Пилищикова довольно часто становится заостренно-полюемической. В главе, посвященной строчке «“Подди! Поди!” раздался крик», сомнению подвергается текстологическое решение Б.В. Томашевского, который вопреки трем прижизненным изданиям Пушкина (поглавному, 1833 и 1837 г.), где слово «поди» напечатано с «о» в корне, восстановил по рукописи другое написание – «пади». Вслед за М. Шапиром, чьей памяти посвящена монография, Добродомов и Пилищikov видят некоторое излишество, «злоупотребление» (с. 51) Томашевского в реставрации рукописных чтений в дефинитивном тексте романа.

Почти сливающаяся, но все-таки различная для тонкого поэтического слуха, фонетика «поди»/ «пади» скрывает за собой два возможных варианта этимологии кучерского-форейтерского выкрика: в первом случае слово образовано от «пой-

¹ Привлекается опыт употребления слова dandy в «Беппо» Байрона, в книге Феликса Мак-Доно «The Hermit in London» и ее русском переводе, в автобиографическом очерке Ф.В. Раstopчина, в «Герое нашего времени» Лермонтова и т.д., а также чрезвычайно показательный опыт толкования и написания «денди/дендй/дэнди» в грамматиках и словарях XIX века.

ти» (а написание «пади» – результат отражения на письме «аканья»), во втором случае от «пасть», что обеспечивают слову еще более яркий эмоциональный ореол и даже напоминает о царском поезде (у Добродомова и Пильщикова приводится эпизод встречи годовалого Пушкина с императором Павлом из тыняновского «Пушкина»:

– Шапку, – сказал он хрипло и взмахнул маленькой рукой.

Тут еще генералы, одетые невпример богаче, наехали.

– Пади!

– На колени!» (с. 58–59).

Добродомов и Пильщиков отстаивают вариант «поди» и этимологию, идущую от «пойти», но в целом ряде примеров из «Страшного гадания» и «Испытания» А.А. Бестужева-Марлинского, «Басурмана» и «Ледяного дома» И.И. Лажечникова, «Онагра» и «Внука русского миллионера» И.И. Панаева, «Тарантаса» В.А. Соллогуба, «Холстомера» Л.Н. Толстого, романа Н.А. Некрасова и Н. Станицкого «Три страны света» и мн. др. господствует написание «пади», что само по себе образует традицию.

Кучерский выкрик «пади/поди» уже неоднократно привлекал внимание лингвистов и литературоведов. Авторы «Лексик и фразеологии...» суммировали опыт В.В. Виноградова, А.Я. Невского, а, кроме того, сделали собственные подборки из текстов XIX в. так, что получился исключительно выразительный ряд примеров, с которым мог бы посоперничать только ряд примеров, приведенных на ту же тему у А.П. Чудакова [Чудаков, 2005, с. 225–227]¹. При взгляде на перечень классических цитат с «пади»/«поди» видно, как на глазах рождается, подобно народной этимологии, этимология литературная.

Фоновые цитаты у Пильщикова и Добродомова почти не выходят за границы XIX в. (выход за положенные временные пределы лишил бы монографию четкости и увел бы комментарий в бесконечную даль), однако в случае с «пади» так и напрашивается еще один отрывок из «Двенадцати» А. Блока:

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катюхой летит –
Електрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!..

Оставляя специалистам вопрос о происхождении слова «поди/пади», отметим, насколько сильна литературная «этимология» «пади», насколько в ней акцентировано «а»². В одном из следующих эпизодов поэмы Блока Катюха с простреленною головой падает на снег («Что Катюха, рада? – Ни гу-гу.../ Лежи ты, падаль, на снегу!») и неотступно кажется, что в крике лихача, звучащем на две главки раньше, смерть Катюхи («пади» – «падаль») уже отчасти предсказана.

Главы «Лексик и фразеологии «Евгения Онегина»» не похожи одна на другую, каждое из выбранных слов требует своего описания. Какие-то фрагменты книги углублены в лингвистику, какие-то, напротив, касаются, по преимуществу, литературоведческой сферы. Так, слово «Армид» («Любзатъ уста младых Армид» – XXXIII строфа первой главы) отсылает к «Освобожденному Иерусалиму»

¹ А.П. Чудаков выступает на стороне текстологического решения Б.В. Томашевского и точки зрения В.В. Виноградова, считая написание «пади» первичным, а в «поди» усматривая позднейшую «народную этимологию». Именно разысканиями Виноградова и был вдохновлен как комментарий Чудакова, так и комментарий Пильщикова и Добродомова к данной строчке.

² В последнем академическом комментарии к поэме Блока (см.: [Блок, 1999]) слово «пади» оставлено без внимания.

Т. Тассо в подтексте «Онегина». Если учесть то, что исследования И.А. Пильщикова о русско-итальянских связях в литературе XIX в. не ограничиваются Пушкиным, а захватывают широкий пласт поэтической культуры первой половины XIX в. [Пильщиков, 2003], то, очевидно, автор может многое прояснить и в данном случае.

Поскольку в «Онегине» имя Армиды условно, то никогда прежде его не комментировали подробно и тщательно. Лотман просто указал на «Освобожденный Иерусалим» и дал приблизительное толкование – «волшебница», что не удовлетворяет Добродомова и Пильщикова, которые во многом строят свою работу на дополнениях и поправках к труду от Ю.М. Лотмана. И здесь особенно ощутимым становится то, насколько за последние тридцать лет поменялись представления о комментарии¹, который стал гораздо более специализированным², объемным, а главное – сохраняя вид беспристрастного, отстраненного от интерпретации собрания фактов, стал полем для искусного монтажа этих фактов, в котором все равно прочитывается и авторская интерпретация, и авторская пристрастность, но, конечно же, выступают и новые, не замеченные ранее грани комментируемого текста.

Отвергая определение Лотмана «волшебница», Пильщиков и Добродомов предлагают пристальнее взглянуть в сюжет поэмы Т. Тассо. Армида в нем – не просто волшебница, а искусительница, призванная увлечь за собой лучших воинов из лагеря крестоносцев. Соединение батальных и эротических эпизодов обеспечивает особый колорит поэмы Т. Тассо (колорит, столь привлекательный для романтиков, любивших эротику в военных нарядах, вспомним хотя бы явление Лилеты в «Моих пенатах» Батюшкова), где героиня – не просто волшебница, а коварная красавица, наделенная магической силой. «Армидин Сад»³ (туда уносит влюбленная Армида рыцаря Ринальдо, без которого не может быть взят Иерусалим) почти уравнивается по значению с островом Цирцеи, и авторы монографии, привлекая черновики «Онегина», показывают, что где-то эти имена могут быть даже синонимичны (в черновом наброске стих выглядел как «Лобзать уста молодых Цирцей»).

Только по инерции в поэтических текстах начала XIX в. взгляд читателя скользит по условно-поэтическим именам, и все они нивелируются. Разыскания Добродомова и Пильщикова убеждают, что сколь бы условны поэтические имена не были, они все-таки не сливаются друг с другом. Так, в черновиках третьей главы имя Армиды Пушкин пробует для Ольги («Ах, слушай, Ленский; а не лъзя ль /

¹ Еще один образец нового комментария представлен в репринтном воспроизведении последнего прижизненного издания поэм А.С. Пушкина (Поэмы и повести. СПб., 1835. Ч. I) [Пушкин, 2007]. Комментарий данного издания, выполненный О.А. Проскуриным при участии Н. Охотина, сфокусирован на литературном контексте и, по указанию самого автора комментария и его редакторов, избегает конкретно-текстологических и лингвистических проблем. А это как раз те сферы, которым посвящена книга И.Г. Добродомова и И.А. Пильщикова.

² Так, в дискуссии по поводу комментария, состоявшейся в ИМК МГУ в сентябре 2004 г., И.А. Пильщиков назвал восемь специальных разделов, которые должен включать в себя современный академический комментарий: текстологический комментарий к полному своду вариантов и критическому тексту; перевод для иноязычных текстов и пересказ для текстов на родном языке, а также переводных текстов; лингвистический комментарий; стиховедческий комментарий; историко-литературный комментарий; реальный комментарий; рецептивная история; библиографический аппарат. «Лексика и фразеология "Евгения Онегина"» предполагает, в первую очередь, лингвистический комментарий, но, конечно же, вторгается и во все остальные разделы. См.: [Текст и комментарий, 2006, с. 62–64].

³ В книге приведены и предшествовавшие «Онегину» появления Армиды: ближайший к «Онегину» пример – «Ответ Тургеневу» К.Н. Батюшкова, а также отрывок «Армидин сад» из Т. Тассо в «Пантеоне Иностранной Словесности» Н.М. Карамзина.

Увидеть мне Армиду эту...»), но, видимо, коннотат коварства мешает назвать Ольгу Армидой, и в Беловике она превращается в скромницу Филлиду, у которой совсем другой, спокойный и благостный, ореол.

«Младые Армиды» являются в авторском плане первой главы, они сопровождают воспоминания Автора на морском берегу, а в «Осени» 1830 г. «Армидами младыми» украшены зимние забавы лирического героя («Кататься нам в санях с Армидами младыми...»). Младая Армида, не подаренная Ленскому, кажется, могла бы появиться в пространстве Онегина, но столь любимый Автором мир, остается, как всегда, закрытым для главного героя:

И вы, красотки молодые,
Которых позднью порой
Уносят дрожки удалые
По Петербургской мостовой,
И вас покинул мой Евгений.

В сжатом пересказе отдельных глав книги их содержание вынужденно упрощается, начинают вырисовываться магистральные линии, которые, может быть, не так резко проведены в самой монографии. Для книги Добродомова и Пильщикова характерен филигранный стиль: множество мельчайших деталей не заслоняют друг друга, а в сложном орнаменте без нажимов переплетаются между собой.

Последняя глава монографии посвящена герою, который на миг появляется в одном из стихов «Путешествия Онегина» и уже в следующей строке исчезает навсегда:

И сын Египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

Кроме этих двух строк остались воспоминания современников об одесском знакомом Пушкина, но они полны противоречий и загадок, в которых при помощи лингвистического анализа имени и сопоставления различных свидетельств, пытаются разобраться авторы монографии.

Надо сказать, звучное имя «Морали», происходящее, по мнению Добродомова и Пильщикова, от турецкого наименования жителя Мореи (Пелопонесса) – «Морали» (Morali)¹, вкупе с романтической биографией, намеченной парой штрихов в «Онегине» («сын египетской земли», «корсар») всегда привлекали внимание к проходному пушкинскому персонажу. По берлинскому изданию 1923 г. Добродомов и Пильщиков цитируют миниатюрный рассказ П.П. Муратова «Морали»², где последняя южная ночь «Онегина» продлена во времени, а корсар Морали выдвинут на роль главного героя. Однако, не сюжет, а слова занимают авторов онегинского лексикона, и даже в трактовке пушкинского образа у Муратова, вернее, в продуманном Муратовым до мелочей костюме Морали, Добродомов и Пильщиков щепетильно находят одну неточность.

Этимология имени Морали позволяет Добродомову и Пильщикову обрисовать внешний облик героя, в котором угадывается параллель к авторскому образу.

¹ Гипотезу турецкого происхождения имени Морали Добродомов и Пильщиков предлагают, сопоставляя «Морали» с турецким «Кирджали» из стихотворного наброска Пушкина и этнонимом «Османли» из черновика «Путешествия Онегина» («С восточной гущей кофе пью – / Как Османли в своем раю») (с. 213–217).

² Библиография и указатели занимают почти треть от всего объема книги. Помимо богатого собрания словарей, в библиографию входит множество редчайших изданий, которые на фоне «Онегина», в приложении к нему дают неожиданные и очень яркие эффекты. Включение в комментарий цитаты из «Морали» П.П. Муратова – один из таких примеров.

В самом начале главы приводятся отрывок из мемуаров И.П. Липранди, речь идет о Морали: «Этот мавр, родом из Туниса... <...> Пушкин мне рекомендовал его, присовокупив, что – “у меня лежит к нему душа: кто знает, может быть мой дед с его предком были близкой родней”» (с. 58–59). И действительно, вопреки турецким корням, Морали в черновике «Онегина» превращается в черного мавра («И ты Отелло-Морали»), а Пушкин, в письме к Вяземскому серьезно настаивающий на различении слов «араб» (житель Аравии) и «арап» (негр, мулат), в «Онегине», захваченный стихией языка, смешивает оба слова как синонимы.

Главы книги могли бы быть названы этимологическими этюдами, но у Добродомова и Пильщикова мы видим этот жанр в значительно обновленном и усложненном виде. Во-первых, потому что в истории каждого слова учитывается очень много боковых линий, этимологическая история получается разветвленной и сильно погруженной в языковую и литературную культуры Европы XVIII–XIX в. Во-вторых, потому что этимологический анализ вторгается в очень плотные слои семантической структуры слова, разобраться в которых уже невозможно без учета истории и поэтики тех контекстов, в которых данное слово выступает. Здесь эволютивные изменения слова уже неотрывны от художественного контекста, который вызывает к комментарию.

В «Проблеме стихотворного языка» Ю.Н. Тынянов пишет о том, что стихотворный язык подчиняется принципам симультанности и сукцессивности, то есть необратимая устремленность стиха вперед соотносится («борется») с сильнейшим импульсом возвратности¹. Кажется, это положение Тынянова можно спроецировать и на законы существования художественного текста в истории: каждое поколение увлекает текст вперед за собой, поскольку читатель не может избавиться от того, что он знает, и не может избежать того, чтобы не внести свое избыточное знание в просчитываемый текст, но, с другой стороны, столь же сильно читательское усилие представить художественный текст таким, каким он был в момент создания. И.Г. Добродомов и И.А. Пильщиков работают как реставраторы, усиливая возвратный импульс текста, очищая его от временных напластований.

В заключение обзора герменевтических очерков о лексике «Онегина» хочется высказать одно предположение. Нам показалось, что авторы, нигде не оговаривая это специально, имеют четкое представление о некоем идеальном дефинитивном тексте «Онегина», где каждое слово, каждая буква и каждый знак абсолютно продуман со стороны автора и, соответственно, мог бы быть абсолютно обоснован с точки зрения филолога. Текст «Онегина» цитируется в книге по последнему прижизненному изданию 1837 г. и чаще всего к опыту прижизненных изданий «Онегина» апеллируют авторы для решения тех или иных текстологических проблем. В отношении изложенного материала Добродомов и Пильщиков предлагают доказательные текстологические выкладки, которые, кажется, не должны вызывать дальнейших сомнений. Более того, как уже здесь отмечалось, авторы учитывают и динамическую природу пушкинского текста, имитирующего спонтанность, производящего впечатление живой импровизации. Однако, существование идеального дефинитивного текста «Онегина» вызывает сомнения, как и то, что Пушкин тщательно, до запятой вычитал последнее издание 1837 г., вышедшее совсем незадолго до его смерти².

¹ К описанию принципов симультанности и сукцессивности Ю.Н. Тынянов возвращается постоянно на страницах своей книги. См.: [Тынянов, 1993, с. 23–121].

² Конечно, И.Г. Добродомов и И.А. Пильщиков и не утверждают, что дефинитивный текст «Онегина» – это текст какого-то из прижизненных изданий, что какое-то издание идеально вычитано. Здесь говорится лишь о подходе авторов монографии к текстологии романа, при котором в тщательном взвешивании всех «за» и «против» чаще всего побеждает печатный, а не рукописный вариант.

Вот, к примеру, в четвертой главе «Онегина» есть фрагмент (с XL по XLV строфы), изобилующий повторами, трудно разгадать, преднамеренный ли характер эти повторы носят. XL строфа четвертой главы заканчивается стихом «*Стоял* Ноябрь уж у двора», а следующая, XLI, начинается со слов «*Встает* заря во мгле холодной», и кажется, что в этом сквозит непреднамеренная «неотделанность». Далее, в XLII строфе, тоже есть повтор, чрезвычайно эффектный, по-видимому, уже преднамеренный. Как будто исподволь легкий снег уподобляется тяжелому гусю:

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и *падает*; веселый
Мелькает, вьется первый снег,
Звездами *падая* на брег.

Легкие шероховатости, специально или нечаянно оставленные автором в окончательном тексте романа, заставляют усомниться в том, что в «Онегине» нет случайных слов/знаков/букв, а, следовательно, и в том, что каждая текстологическая проблема может быть решена однозначно и бесспорно, однако бесспорным остается то, что комментаторы и издатели всегда искали и будут искать единственно правильное слово дефинитивного текста и его веское обоснование.

Литература

- Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. М., 1999. Т. 5.
Ларионова Е.О. Комментарий // Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах. СПб., 1993.
Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980.
Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб, 1998.
Пильщиков И.А. Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания. М., 2003.
Пушкин А.С. Сочинения / Комментированное издание под ред. Дэвида М. Бетеа. Комментарий О. Проскурина при участии Н. Охотина. М., 2007.
Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2006.
Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М., 1993.
Чудаков А.П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. М., 2005.
Чумаков Ю.Н. «День Онегина» и «день автора» // Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 2000.
Шанский Н.М. Краткий лингвистический комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Русский язык в школе. 1998. № 4–6. 1999. № 1–4.